Дб
380
С-79

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дб3а6
С-79

Ю. М. СТЕКЛОВ.

СТЕПАН ХАЛТУРИН

(1857—1882)

ПЕРЕИЗДАНО ВЯТСКИМ ГУБКОМОМ (Р.К.П.)

Вятка. 1-я типо-литография 1923.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КВ 10/15
25380
С-79

Ю. М. СТЕКЛОВ

СТЕПАН ХАЛТУРИН

(1856—1882)

ПЕРЕИЗДАНО ВЯТСКИМ ГУБКОМОМ (Р.К.П.)

ВЯТКА. 1-Я ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ. 1923.

460876

Гублит № 547. Вятка. Тираж 5000 экз. Заказ № 500.

Степан Халтурин

(1856—1882)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Октябрьская революция увенчала собой многолетнюю борьбу рабочего класса и крестьянства России. Терниста была дорога русских трудящихся масс. Много жертв было на ней оставлено. Но без нее, без этой тяжелой борьбы, немыслим был и Октябрь.

Десятилетиями ковал рабочий класс России свою победу. И не только Ленский расстрел, не только „Красная Пресня“, но и группа «Освобождения труда» были этапами на пути к Октябрю. Был таким этапом и „Северный союз русских рабочих“, предтеча и провозвестник русской рабочей партии — партии коммунистической, основанный в конце семидесятых годов прошлого столетия рабочим-столяром, уроженцем Вятской губернии, Степаном Халтуриным.

И в том, что трудящиеся массы Вятской губернии открытие памятника своему славному земляку, основоположнику организованного русского рабочего движения, Степану Халтурину приурочили к празднованию Октябрьской годовщины, заключается глубокий исторический смысл. Но открытие памятника—не только увековечание одного из самых рьяных борцов за победу пролетариата, но и символ того, что путь к Октябрю куплен дорогой ценой борьбы не одного поколения рабочего класса.

Это символ того, что трудящиеся массы Вятской губернии помнят тяжесть пройденного пути, чтут память геров и мучеников борьбы с царизмом и капитализмом так же, как чтут память «своего» Степана, горя неугасимой ненавистью к тому строю, при котором человек эксплоатирует человека, меньшинство угнетает большинство и никогда не выпустят из рук доставшейся в тяжелой борьбе, стоившей жизней многих тысяч лучших товарищей, свободы.

К этому же дню нами и приурочено переиздание биографии Степана Халтурина.

I. Юные годы Степана Халтурина.

Среди рабочих, сыгравших видную роль в истории русского социально-революционного движения, Степану Халтурину по справедливости принадлежит одно из первых мест.

Степан Николаевич Халтурин родился 21 декабря 1856 года в семье зажиточных государственных крестьян в деревне Халевинская или Верхние Журавли, Левинской волости, Орловского уезда, Вятской губ.[1]). Семья Халтурина была многочисленна. Она состояла из шести братьев и двух сестер. Степан был последним и потому пользовался особенной любовью родителей.

Степан уже в детстве отличался особенной ловкостью. Между прочим, он, как рассказывают, умел, как цирковой клоун, перебрасывать сразу шесть шаров. Он был хорошим товарищем, делился с друзьями едой, охотно участвовал в детских играх. Будучи мальчиком, Степан учился слабовато, но проявлял особый интерес к технике: раздобывал порох, мастерил ружья, устраивал взрывы. Сельско-хозяйственный труд его не привлекал, и в поле работать он не любил.

После первоначального обучения у местного дьячка и в Орловском уездном училище Степан был отправлен

---

[1]) После раскрытия революционной роли Халтурина эта деревня попала в немилость, которая, между прочим, выражалась в том, что из нее в течение 20 лет не брали солдат в царскую гвардию.

родителями в губернский город, где и поступил в 1873 г. ческих и сельско-хозяйственных знаний и подготовки учителей", в котором уже учился в то время его старший брат Павел. Земские школы в Вятской губернии были поставлены довольно хорошо, так как земство этой губернии, почти лишенной помещиков, имело демократический характер и, в частности, много заботилось о народном просвещении. Училище, в которое поступил Степан и которое было основано Вятским земством в 1872 году, имело своей задачей дать местному крестьянскому населению достаточный контингент научно-подготовленных учителей. По тому времени программа училища была поставлена довольно широко и давала своим воспитанникам, как общее образование, так и специальное, техническое и сельско-хозяйственное, причем главное внимание обращалось на преподавание естественных наук. (Впоследствии это училище, как крамольное, было начальством ликвидировано и превращено в обычное казенное).

Именно в этом училище Степан Халтурин обучился столярному ремеслу, при чем так усовершенствовался в нем, что про него шутя говорили, что на его полировку „и блоха не вскочит".

Курс училища был четырехлетний. Но Халтурин не окончил его. Просидев в первом классе год и не перейдя в следующий класс, Степан из училища вышел.

Состав учащихся был по преимуществу крестьянский, но были и дети местной городской интеллигенции и мещанства. Быт в училище господствовал демократический. Общая атмосфера, окружавшая учащуюся молодежь вне училища, была в то время в Вятке тоже демократическая. В те времена Вятка служила местом ссылки для политических, около которых и группировалась учащаяся молодежь. Там были и революционные кружки, как например, кружок известного землевольца Трощанского. В такие кружки, занимавшиеся самообразованием и интересовавшиеся политическими вопросами, попадали и

рабочие. Попал в такой кружок и юноша Халтурин. К сожалению, лицо, стоявшее во главе этого кружка и выдававшее себя за политического ссыльного, на деле таковым не было. И впоследствии этот руководитель кружка сыграл с Халтуриным довольно скверную шутку. Впрочем, как мы увидим, он невольно толкнул этим Халтурина на революционный путь и, таким образом, косвенно сыграл известную роль в истории русского рабочего движения.

Как сообщает родственник Степана И. Халтурин[1]), кружок, в котором участвовал Степан, действовал довольно неконспиративно, вполне в духе патриархальных нравов доброго старого времени. Впрочем, Вятка в те времена была довольно глухим углом, и ничего серьезного, разумеется, эти кружки самообразования не представляли.

„Все собрания кружков, на которых велись споры на обще-политические темы, читались книги вроде „Хитрая механика“, „Исторические письма“[2]), велись революционные песни, происходили совершенно открыто. И наиболее посещаемой была квартира одного банковского чиновника, жившего как раз против дома Вятского губернатора Тройницкого и неоднократно, когда раздавались песни „Долго нас помещики душили“ или

---

[1]) И. Халтурин—„Семейные воспоминания о Степане Халтурине“, „Былое“, № 16, 1921 г.; см. также Д. Маркушевич—„Детство и отрочество Степана Халтурина“ в журнале „Пролетарская Революция“, № 3, 1922 г.

[2]) „Хитрая механика“, автор которой был Варзар, впоследствии мирный земский статистик, была одной из самых популярных пропагандистских брошюр народнического периода. Она распространялась среди крестьян и рабочих не только в 70-ые годы XIX века, но и значительно позже. „Исторические письма“—это известное сочинение Миртова (П. Лаврова), которое сначала появилось статьями в народническом журнале „Неделя“, а затем было издано отдельной книгой и являлось в известном смысле Евангелием народников-пропагандистов в начале 70-х годов.

„Дубинушка“[1]), сам губернатор выходил на балкон и слушал“.

В этом кружке Халтурин узнал о борьбе рабочих за свои права. Здесь у него раскрылись глаза на тяжелое положение рабочего класса в капиталистическом обществе. Здесь он проникся, хотя и смутно, идеями социализма. Молодой 17-летний столяр становится горячим сторонником социалистических идей. Он начинает мечтать о переустройстве общественной жизни на новых началах и увлекается ходячей в те времена мыслью об основании коммуны для практического осуществления общности имуществ. И когда в кружке зародилась мысль о поездке в Америку для устройства там коммуны[2]), то юноша Халтурин принял горячее участие в практическом осуществлении этой затеи.

Для поездки в Америку необходимы были деньги и заграничные паспорта. В это время как раз скончался отец Степана, и последний уступил свою долю наследства братьям за полторы тысячи рублей. Эту сумму Халтурин внес в общую кассу. Чтобы раздобыть паспорт, Халтурин отправился к губернатору Тройницкому и заявил ему, что хочеть ехать на всемирную выставку в Филадельфию, чтобы достать там некоторые краски и узнать секрет их изготовления.

Паспорта были получены всеми членами будущей коммуны, кроме руководителя кружка, уголовного ссыльного С.. Последний сочинил фантастическую историю, выманил у Халтурина его паспорт и деньги, а сам послал юного доверчивого Степана в Рязанскую губернию к своим мнфическим родственникам, которых, разу-

---

[1]) Известные в 70-х годах революционные песни; „Дубинушка“ сохранила свою популярность и до сих пор.

[2]) Америка издавна была обетованной землей для всякого рода коммунистических опытов. Несколько русских народников заплатили дань этому увлечению и отправились в Америку для устройства коммунистических поселений. Кружок Халтурина шел в этом отношении по проторенному пути.

мется, не оказалось на месте. Когда Халтурин вернулся в Москву, то не нашел там своих товарищей, которые уехали, не дождавшись его, при чем паспортом Халтурина воспользовался вышеупомянутый С. Халтурин поскакал за товарищами в Петербург, но ему не удалось их найти и там. Вся эта история происходила в 1874 году.

В это время Халтурин по описанию знакомых был плотным и широкоплечим парнем с черными усиками и имел взгляд как бы исподлобья. Но по характеру это был человек добродушный и скромный и, как хороший товарищ, был со всеми в добрых отношениях.

Таким образом Халтурин, которому не удалось окончить курса в Вятском училище, очутился в Петербурге без денег и паспорта. Поэтому он сначала оказался в довольно скверном положении, сильно нуждался и принужден был браться за всевозможные работы: он был перевозчиком через Неву, столяром и т. д. Случайно он встретился с бывшим своим учителем Котельниковым, который принял в Степане близкое участие, устроил его на работу на железной дороге и ввел в кружки революционной петербургской интеллигенции.

Здесь начинается общественная деятельность Халтурина. Имея уже некоторую подготовку, полученную в вятском кружке, Степан затем пополнил и расширил свое образование упорным трудом. Общение с революционными народниками окончательно оформило его политические убеждения. Большое преимущество Халтурина заключалось в том, что он сам вышел из трудового народа. Будучи рабочим и работая в качестве столяра по заводам, он получил возможность заводить обширные связи в столичной рабочей среде, с жизнью и интересами которой близко сознакомился во время своих скитаний по мастерским.

Уже и в те времена питерские рабочие стояли в передовых рядах русского рабочего класса. Здесь раньше, чем в других местах России, выработались кадры настоящего промышленного городск. пролетариата, меньше

связанного с деревней, более свободного от „власти земли“ и от предрассудков сельского населения, проникнутого боевым и революционным духом. В Питере же начались первые выступления рабочих, носившие уже не характер слепых бунтов, а вылившиеся в современные формы пролетарской борьбы. Мы говорим о забастовках и организации рабочих обществ, профессиональных (заводские кассы и т. п.) и политических.

В 1870 году в Петербурге вспыхнула стачка на Невской бумагопрядильне, по тому времени довольно крупная. В 1878 году забастовочное движение охватило уже несколько петербургских фабрик. Пропаганда революционных и социалистических идей велась среди питерских рабочих уже с начала 60-х годов XIX века—сначала в воскресных школах (закрытых за это царским правительством), затем путем устройства тайных рабочих кружков самообразования. Все это, конечно, было слабо, разрозненно; приходилось беречься, прятаться от полицейских шпионов, фабрикантов и их агентов, но, так или иначе, ко второй половине 70-х годов, т.-е., ко времени прибытия Халтурина в Петербург, здесь уже имелось не мало сознательных и революционно-настроенных рабочих, проникнутых социалистическими взглядами.

Общение с питерскими рабочими и встречи с революционерами-интеллигентами, занимавшимися социалистической пропагандой в рабочей среде, окончательно оформили убеждения Халтурина и сильно обогатили его знания. Степан прибыл в столицу уже не серым середняком. У него были достаточные познания, но усердным чтением и знакомством с интеллигентной молодежью, а также работою в революционных кружках он с каждым днем приобретал все больше сведений. Его революционный темперамент, горячая уверенность в истине социалистических идей в соединении с его довольно обширными для рабочего знаниями выдвигали его в первые ряды даже среди питерских передовых рабочих. В 1875—

1876 годах, т.-е., через два года по прибытии в Петербург, Халтурин был уже сознательным социалистом и деятельным пропагандистом в рабочей среде столицы. Ему было тогда всего 18—19 лет.

II. Личность Степана Халтурина.

Знавший его в то время лично Г. В. Плеханов, занимавшийся тогда пропагандой среди петербургских рабочих, оставил нам интересное описание молодого Халтурина [1]).

По словам Плеханова, Степан Халтурин был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере. Молодой, высокий и стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня, но этим дело и ограничивалось. Ни о силе характера, ни о выдающемся уме не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. В его манерах прежде всего бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женственная мягкость. Говоря с кем-нибудь, он как будто и конфузился, и боялся обидеть собеседника некстати сказанным словом, резко выраженным мнением. С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам: „Я так думаю, но если вам это не нравится, то прошу извинить“...

Степан в особенности не любил душевных излияний. Хотя во внешнем обращении застенчивость его исчезала при более близком знакомстве с человеком, однако, она всегда держала его на стороже, делая для него совершенно невозможным то нравственное состояние, которое обозначается словами—„душа на распашку“... Побеседо-

---

[1]) „Русский рабочий в революционном движении“. По личным воспоминаниям Г. Плеханова. Женева. 1892, стр. 78—87.

вать и он был не прочь, и притом не только со своим братом-рабочим, но и с „интеллигентами“. Пока он был легальным [1]), он даже охотно делился по соседству со студентами и искал их знакомства, заимствуясь у них книгами и всякого рода сведениями. Нередко за полночь засиживался он у таких соседей. Но и там он мало высказывался. Придет и подымет разговор на какую-нибудь теоретическую тему. Хозяин оживится, обрадованный случаем просветить темного рабочего человека, говорит долго, вразумительно и, по возможности, „популярно“ (доступно), а Степан слушает, лишь изредка вставляя свое слово и внимательно, несколько исподлобья, посматривая на собеседника своими умными глазами, в которых по временам появляется выражение добродушной насмешки.

В рабочих он видел самых надежных, прирожденных революционеров и ухаживал за ними, как заботливая нянька: учил, доставал книги, „определял к местам“, мирил ссорящихся, журил виноватых. Его очень любили товарищи. Он знал это и платил им еще большею любовью. При всем том, как думает Плеханов, и в обращении с ними Степана не покидала его привычная сдержанность. Неизвестно, как он вел себя с теми рабочими, которых привлекал к делу в революционных беседах глаз на глаз. Может быть тогда он и давал волю всему, что кипело у него на душе. Но на кружковых рабочих собраниях он говорил редко и неохотно. Только в тех случаях, когда дело не клеилось, и говорили что-нибудь несообразное или уклонялись от предмета сходки, Степана прорывало. Краснобаем он не был, иностранных слов, которыми любят пощеголять рабочие, никогда почти не употреблял, но говорил горячо, толково и убедительно. Его речью и исчерпывались обыкновенно пре-

[1]) Т. е. жил по настоящему паспорту. „Нелегальными“ назывались революционеры, принужденные, вследствие полицейских преследований, жить или вовсе без прописки, или по чужому, обыкновенно поддельному, паспорту („фальшивке“).

ния. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающих. Между петербургскими рабочими были люди, не менее его знавшие и способные, были люди, больше его видавшие на своем веку, пожившие за-границей [1]). Тайна огромного влияния, своего рода диктатуры Степана, заключалась в неутомимом внимании его ко всякому делу. Еще задолго до сходки он переговорит со всеми, ознакомится с общим настроением, обдумает вопрос со всех сторон и потому естественно оказывается наилучше подготовленным. Он выражает общее настроение. То, что говорит он, сказал бы, вероятно, каждый из его товарищей, но они не так вдумчиво отнеслись к делу, иные по лености, иные потому, что заняты были другими, может быть, даже гораздо более важными делами, а Степан ни к чему не мог относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, решение которой он беззаботно предоставил бы другим. Он приходил на собрание с совершенно установившимся взглядом на подлежавший обсуждению вопрос. Потому-то с ним и соглашались. А с другой стороны, потому то он и досадовал, потому-то он и горячился, когда прения затягивались без толку: „Ведь это же все так просто,—говорило его выразительное лицо: — неужели же вас могут затруднять подобные пустяки“?

В Петербурге родственников у Степана не было. Жил он всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манер студенческой кельи. К обстановке и одежде своей он относился с равнодушием, достойным самого „интеллигентного“ нигилиста. Высокие сапоги, широкое, слишком длинное даже для его высокого роста, пальто, на котором недостает нескольких пуговиц, довольно неуклюжая черная меховая шапка,—вот в каком костюме

---

[1]) Здесь Плеханов имеет, вероятно, в виду Виктора Обнорского, тоже одного из пионеров русского рабочего движения (о нем см. статью Л. Дейча в № 3 „Пролетарской Революции“), Митрофанова и др.

воскресает он в воображении знавших его людей. Особого наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всех заводских рабочих, не полагалось. Разговорясь о деле где-нибудь в трактире или портерной, он охотно выпивал бутылку—другую пива, но вряд ли когда-либо принимал участие в веселых товарищеских пирушках. Других рабочих случалось иногда встречать подкутившими. Его—никогда.

Халтурин отличался большою начитанностью. Это вызывало невольное уважение к нему, но и эта черта не могла особенно удивить человека, знавшего заводских рабочих: страстные любители чтения вовсе не были редкостью между ними. При ближайшем знакомстве оказывалось, однако, что и читал Степан так, как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал, зачем именно раскрывал определенную книгу. К тому же мысль постоянно шла у него рука-об-руку с делом. У него, например, вовсе не было того интереса к естественным наукам, который замечается у многих рабочих. Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения. О чем бы ни читал он—об английских ли рабочих союзах, о великой ли революции или о современном социалистическом движении,—эти нужды и задачи никогда не уходили из его поля зрения. По тому, что читал Халтурин в данное время, можно было судить о том, какие практические планы шевелятся в его голове. Еще задолго до организации „Северно-Русского Рабочего Союза" он принялся изучать европейские конституции.

— Что это ты на них набросился?—спрашивали его.

— Да что же! Ведь это интересно,—отвечал он.

Программа союза лучше его об'яснила, почему он набросился на конституции: он обдумывал политическую программу русских рабочих.

III. Халтурин и народничество.

Для того времени это было большим новшеством.

Русские социалисты того периода меньше всего думали о рабочем движении, как о самостоятельном движении особого класса пролетариата, а еще меньше о политической программе этого движения. В середине 70-х годов XIX века, т.-е., в то время, когда Халтурин принял участие в революционной борьбе в России, среди интеллигенции господствовало, так называемое, народничество. Оно распадалось на две главные группы: „пропагандистов“ или “лавристов“ (по имени известного революционного писателя Петра Лаврова) и „бунтарей“, анархистов, сторонников Бакунина, получивших в конце 1876 года название „землевольцев“ (по имени образовавшегося тогда тайного политического общества „Земля и Воля“) [1].

При всем резком различии обоих направлений они сходились в том, что одинаково представляли будущую русскую социальную революцию в виде восстания крестьянства, которое должно одним ударом смести и царское самодержавие, и капиталистический строй [2]. „Лавристы“ более налегали на мирную пропаганду и постепенную организацию революционных сил, „землевольцы“ отстаивали необходимость боевых выступлений, бунтов, из которых родится всеобщее народное восстание. Но те и другие признавали настоящим „народом“

---

[1]) Эту „Землю и Волю“, так-называемую, „вторую“, просуществовавшую с 1876 по 1879 год, не следует смешивать с первой „Землей и Волей“, тоже тайным политическим обществом, существовавшим в начале 60-х годов XIX века и связанным с Н. Г. Чернышевским.

Стеклов: Степан Халтурин.

[2]) Подробности смотри в моей брошюре „Историческое подготовлениерусской социал-демократии“, Спб. 1907, которая вошла целиком в мою книгу „Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России“, Москва, 1918, издание „Денницы“.

только крестьянство. На городских же рабочих они смотрели лишь, как на подсобную силу. Рабочая среда по умственному развитию стояла ближе к революционной интеллигенции и занимала промежуточное положение между этой интеллигенцией и крестьянской массой. По этому из нее можно было вербовать пропагандистов и агитаторов для деревни.

Так по преимуществу и смотрели на рабочих тогдашние социалисты. Самостоятельного значения пролетариата они не понимали. Его значения, как класса, которому суждено сыграть руководящую роль в борьбе с самодержавием и с буржуазией, они не видели. О его особых, чисто пролетарских задачах, целях и интересах они не помышляли. И так смотрели на дело не только интеллигенты-народники, но и рабочие, подпавшие под влияние „народнических“ идей. По рассказу того же Плеханова, даже такой выдающийся по тогдашнему времени рабочий, как Митрофанов, видел в городских рабочих испорченную буржуазным духом среду и находил, что революционеру надлежит работать только в деревне.

Итак, ни о какой особой программе и о самостоятельном рабочем движении, на взгляд народников, не могло быть и речи. Тем менее могли они думать о политической программе русских рабочих. Они, вообще, отвергали необходимость всяких политических программ. И по-своему были они, конечно, последовательны. Они были убеждены, что народ в общем уже подготовлен к социальной революции. Никаких промежуточных этапов между тогдашним положением вещей и будущим царством социализма они не допускали. Поэтому в их программе вообще не могло быть никаких ближайших (частичных) требований, тем более политических. Значения политических свобод они не признавали: бороться за них они не считали нужным. Более того, они признавали такую борьбу не только напрасной тратой сил, но даже отрицали всякое значение конституций и политических вольностей. Они готовы были даже считать их

вредными, так как, по их мнению, они могли лишь упрочить власть буржуазии и дать ей возможность организоваться против народа.

Столь же мало помышляли они о завоевании власти рабочим классом и об установлении диктатуры пролетариата, которая играет такую существенную роль в программах рабочих партий. Напротив, в качестве правоверных бакунистов и анархистов, они могли относиться к этому только самым отрицательным образом. Диктатура пролетариата вообще не входила в построения анархистов, которые отвергали всякую государственную власть, отвергали поэтому и переход власти к пролетариату. По их мнению, захват власти пролетариатом только создал бы новый господствующий класс, новую тиранию, новую форму угнетения и эксплоатации. Если так смотрели на дело европейские анархисты, все же придававшие огромное значение классовому движению пролетариата, то русские анархисты, строившие все свои расчеты на анти-государственном восстании крестьянства и вообще не придававшие рабочему движению, как таковому, особенного значения в России, шли в этом отношении еще дальше. Для них вообще не существовало классовых задач пролетариата, для них тем менее существовали его политические задачи и, в частности, основной вопрос о завоевании пролетариатом государственной власти.

Но жизнь разбила отвлеченные воззрения народников.

Во-первых, работа в крестьянстве оказалась далеко не такой удачной, как надеялись народники, двинувшиеся в деревню для пропаганды социализма и для проповеди бунтов. Хотя на рабочих народниками затрачивалось сравнительно меньше усилий,—здесь результаты их работы неожиданно оказались гораздо более удачными. Создался довольно обширный круг распропагандированных рабочих, что впоследствии привело к образованию двух, по тогдашнему времени довольно широких, об'еди-

нений: „Южно-Русского“ [1]) и „Северно-Русского Рабочего Союза“.

Во-вторых, не столько в воззрения, сколько в практическую работу народников начал постепенно просачиваться политический элемент. После неудачи революционной деятельности в деревне значительная часть народников потянулась обратно в города (особенно в 1876 году). Здесь, впрочем, всегда оставалось много „землевольцев“, занимавшихся пропагандой и агитацией среди молодежи и рабочих. В 1875—1876 г.г. революционерами организуется ряд демонстраций (при похоронах умерших в тюрьме товарищей и т. п.). Особенно нашумела знаменитая демонстрация на Казанской площади в Петербурге, устроенная в декабре 1876 года с помощью рабочих [2]). Аресты и вообще репрессии правительства ставили революционеров лицом к лицу с полицейским гнетом.

Сами того не замечая, землевольцы начали вести политическую борьбу с царизмом. Разумеется, самый факт существования тайного общества, издание им листков и прокламаций, пропаганда среди рабочих и крестьян, организация кружков, не говоря уже об устройстве публичных демонстраций—все это были акты политической борьбы, в чем народники не отдавали себе должного

---

[1]) „Южно-Русский Рабочий Союз“ создался в 1875 году в Одессе в значительной мере под влиянием кружка пропагандистов, группировавшихся вокруг Заславского.

[2]) Демонстрация на Казанской площади была первой крупной политической демонстрацией в эпоху 70-х годов XIX века. Она была организована с участием интеллигентов-революционеров и членов существовавших тогда тайных рабочих кружков. Землеволец Плеханов произнес речь, а молодой рабочий Потапов развернул красное знамя с надписью „Земля и Воля“. Это было первое появление красного знамени на улицах царской столицы. Демонстрация стоила революционерам крупных жертв. Демонстранты были избиты полицией и дворниками, многие были арестованы и приговорены к каторжным работам. Погиб и Потапов, сосланный сначала в Соловецкий монастырь, а затем в Сибирь (в Якутскую область, где я его встретил через 20 лет).

отчета. Но этого мало. Жизнь толкнула их на акты непосредственной политической борьбы, борьбы с режимом, с органами власти, с агентами правительства. Они устроили при своем обществе особую „дезорганизаторскую группу", задачею которой было, с одной стороны, охранять революционную среду от шпионов и предателей, а с другой — организовать боевые „террористические" выступления против особенно ненавистных представителей власти.

IV. Халтурин, как организатор русской рабочей партии.

Такие рабочие, как Обнорский и Халтурин, брали от народников то, что им могли дать люди, стоявшие выше их по образованию, но они не подчинялись всецело их влиянию. В частности, они не могли согласиться с взглядами народников на задачи русского рабочего движения. Будучи сами рабочими, они лучше революционных интеллигентов знали рабочую среду, живее понимали и чувствовали историческое призвание пролетариата вообще и русского в частности. И уж, конечно, они не могли примириться с той подсобной ролью, какую народники приписывали рабочему движению в России. Подобно Обнорскому и другим, Халтурин по своим взглядам стоял ближе к западно-европейским рабочим-социалистам, чем к русским интеллигентам-народникам, ближе ко взглядам марксистов (революционных коммунистов), чем ко взглядам бакунистов (анархистов).

Это отметил также Плеханов в своих воспоминаниях, где он пишет:

„В сравнении с нами, землевольцами (Плеханов был тогда народником-бунтарем), Халтурин был крайним западником. Западничество развивалось и поддерживалось в нем, как общими условиями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, так, может быть, отчасти и

некоторыми случайными влияниями. С лавристами он познакомился раньше, чем с бунтарями, а лавристы умели возбудить в рабочих интерес к немецкому социал-демократическому движению. К тому же двое из близких товарищей Степана долго работали заграницей [1]), и западное влияние распространилось через них, как лично на него, так и на весь союз" („Северно-Русский Рабочий Союз").

Халтурин был кровными нитями связан с рабочим классом. Его нуждами и интересами он болел; пролетарская организация занимала Халтурина в первую очередь. Народническими фантазиями он мало интересовался. Народники мечтали о том, что из русской земельной общины сразу вырастет социализм. Халтурин думал, что социализм будет осуществлен усилиями рабочей партии. К тому Плеханов начал однажды подробно излагать ему содержание одной книги по истории общинного землевладения, Халтурин неожиданно для правоверного народника, каким тогда был Плеханов, прервал его непочтительным вопросом: „Да неужели это действительно так важно?".

Для этого сына рабочего класса важнее было другое: сплочение сил пролетариата для всесторонней борьбы его за свое полное освобождение. Вот это поглощало его внимание.

Этот сдержанный практичный человек был, по словам Плеханова, большим фантазером в одном пункте. Его фантазия постоянно и далеко опережала действительные успехи русского рабочего движения. Довольно долго мечтал он об одновременной стачке всех петербургских рабочих.

Значит, и у Степана была своя „фантазия». Но в то время, как фантазии народников были бесплодны, фан-

---

[1]) Здесь Плеханов снова имеет в виду Обнорского (кто второй, мы не знаем). Но Обнорский прожил за границей недолго, несколько месяцев. Впрочем, по тогдашнему мерилу заграничная поездка русского рабочего, продолжавшаяся несколько месяцев, да еще с революционной целью, могла казаться долгой.

тазия Халтурина рано или поздно должна была осуществиться. В тот момент мечта о всеобщей забастовке в Питере была несбыточной, но и она принесла свою пользу, ибо помогла расширению связей Халтурина в рабочей среде и дала толчок организации рабочих.

Степан неутомимо носился из одного предместья в другое, везде заводил знакомства, всюду собирал сведения о числе рабочих, о заработной плате, о продолжительности рабочего дня, о штрафах и т. д.

Его присутствие везде действовало возбуждающим образом, а сам он приобретал новые драгоценные сведения о положении рабочего класса Петербурга. Задавшись мыслью о стачке, он, по своему обыкновению, стал искать подходящих указаний в книгах. Ему нужно было узнать численность петербургского рабочего населения. Но статистика мало дала ему в этом отношении.

„Удивительное дело,— не раз говорил он,— статистические данные о петербургских фабриках и заводах совсем никуда не годятся. Там, где на самом деле триста рабочих, их показано пятьдесят; там, где пятьдесят, записано сто или двести. А вообще в Петербурге несравненно больших рабочих, чем считает статистика". Как же помочь горю? „Мы сами соберем нужные, сведения, лучше всяких статистиков",— решил Степан и принялся разносить по фабрикам и заводам особые листки, требуя от знакомых рабочих, чтобы те вписывали точные ответы на поставленные в листках вопросы. Не все отвечали обстоятельно, иные и вовсе позабывали ответить. Но через короткое время у Степана все-таки собралось множество данных. Относительно некоторых фабрик он хвалился, что ему удастся высчитать все расходы и все доходы хозяев и, таким образом, определить степень эксплоатации работников. Относящиеся сюда выводы он собирался напечатать в отдельной брошюре.

Халтурин мечтал не только о всеобщей стачке петербургских рабочих, но и о создании всероссийской рабочей партии. Когда он заговаривал о будущей всероссий-

ской организации рабочих, собеседнику, под влиянием его горячей веры, невольно начинало казаться, что препятствия уже устранены, связи повсюду заведены, организация существует,— и остается только работать для ее дальнейшего развития. Но и в этих мечтах не было ничего маниловского. Еще летом 1878 г., за несколько месяцев до основания Северного Союза, Халтурин отправился на Волгу, переходил там с завода на завод и вступил в тесное сношение с тамошними рабочими. Собирался он пробраться и на Урал, но петербургские товарищи убедили его вернуться в Петербург. Он там был слишком нужен.

В то время в петербургской рабочей массе происходило брожение; на некоторых фабриках и заводах начинались забастовки. Старая мысль о необходимости общей организации сил облекалась плотью. Отдельные рабочие кружки самообразования и зародышевые профессиональные организации существовали в разных местах, главным образом, конечно, в Петербурге и Москве. Движение выдвинуло уже собственных вождей из рабочей среды, вроде Халтурина, Виктора Обнорского, Петерсона, Митрофанова и других. Появился и сложился тип рабочего-революционера, способного самостоятельно руководить движением своего класса. Недостаток технического опыта и средств восполнялся помощью революционной интеллигенции, главным образом „землевольцев". Так, к осени 1878 года сложился „Северно-Русский Рабочий Союз", в создании которого, на-ряду с Виктором Обнорским, Халтурин играл выдающуюся роль.

Виктор Обнорский сын кронштадтского мещанина, слесарь, работавший на петербургских заводах. Как по возрасту, так и по революционному стажу, был старше Степана Халтурина. Еще в 1873 году он участвовал в рабочем кружке, организованном, так называемыми, „чайковцами" [1]). После разгрома кружка полицией осенью

[1]) Этот кружок пропагандистов, об'единявший ряд выдающихся впоследствии революционных деятелей, как Клеменц Кравчинский

1873 года Обнорский перешел на нелегальное положение, уехал на время из Петербурга, а затем вновь возвратился туда и занялся пропагандой среди своих товарищей рабочих. В забастовочном движении, охватившем, как мы выше говорили, ряд питерских фабрик и заводов, Обнорский принимал деятельное участие.

Обнорский был одним из первых рябочих, которые, не удовлетворяясь программой народников, пришли к мысли о необходимости создания самостоятельной рабочей партии. В этом духе Обнорский, как и Халтурин и другие их единомышленники, повел агитацию среди питерских и московских рабочих. В короткое время пионерам этого движения удалось организовать около 200 передовых рабочих главным образом в Петербурге, которые и составили, так называемый „Северно-Русский Рабочий Союз".

Плеханов, лично знакомый с деятелями союза, рассказывает об его организации следующее: „К началу 1879 года рабочее движение переросло народническое учение на целую голову. Наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени „Северно-Русский Рабочий Союз", в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками... Большинство членов его принадлежало к числу „заводских". В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою конспиративную квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то время членами

(Степняк), Кропоткин (будущий глава анархизма), Синегуб, Чарушин, С. Перовская и т. д., совершенно случайно получил свое название по фамилии одного из своих членов Н. В. Чайковского, который особой роли в кружке вовсе не играл. Это тот самый Чайковский, который теперь стал одним из самых злостных белогвардейцев, врагов русской революции, и агентом Антанты (был председателем белого правительства в Архангельске в 1918 году).

центрального кружка, который собирался через известные промежутки времени по общим делам союза. В его распоряжения находились особая касса и союзная библиотека".

Тотчас по основании Северного Союза возникла мысль об издании рабочего журнала. Потребность в нем давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая в 1875 году в Женеве анархическая газета „Работник", была первой попыткой удовлетворения этой потребности. Изданием „Работника" деятельно интересовались многие из рабочих, вошедших потом в „Северно-Русский Рабочий Союз".

Когда „землевольцы" завели тайную типографию в Петербурге, мысль о рабочей газете приняла новую форму. Стали говорить, что орган русских рабочих должен печататься в России. Растущие успехи рабочего движения делали его все более и более необходимым. Вопрос о нем стал очередным.

При этом, по сообщению Плеханова, Степан был молчаливо и единогласно признан редактором будущей газеты. Впрочем, вряд ли, по мысли руководителей движения, В. Обнорский устранялся от ее редактирования. Что это было именно так, видно, между прочим, из того, что Обнорский считал себя даже вправе приглашать других лиц в состав редакции. Так, находясь за границей для приобретения типографии, он, по свидетельству Л. Дейча, пригласил к участию в редакции газеты В. Аксельрода, с которым близко сошелся [1]).

---

[1]) Как рабочие вроде Обнорского и Халтурина с помощью верного пролетарского инстинкта умели использовать наставления своих анархических учителей, видно, между прочим, из рассказа Дейча об отношениях Обнорского к Аксельроду. Последний был в то время правоверным бакунистом, хотя и лучше других своих товарищей знакомым с европейским движением и правильнее их понимавшим историческую роль пролетариата. И хотя Аксельрод в своих беседах с Обнорским резко критиковал германскую социал-демократию с анархической точки зрения, Обнорский извлек из его поучений совершенно противоположные выводы. Как говорит Дейч, „своими разъяснениями хода рабочего движения Аксельрод, несомненно, при-

Халтурин заглядывал далеко вперед. Он держался того мнения, что газета должна иметь чисто агитационный характер. У союза было много связей в рабочем мире. В достоверных сообщениях о темных сторонах фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появление их в печати сочувственно встретили бы все рабочие. Таким сообщениям и должно было принадлежать главное место на столбцах газет. Авторам передовых статей оставалось бы лишь надлежащим образом освещать эти непосредственно из жизни взятые материалы. С распространением организации на провинциальные города явилась бы возможность обеспечить себе иногородние известия [1]).

Потому ли, что между землевольцами и организаторами „Северно-Русского Рабочего Союза“ уже начинались недоразумения чисто теоретического характера и рабочие опасались, что землевольческая типография не станет печатать их газеты, или потому, что рабочие во что бы то ни стало хотели стоять на собственных ногах, и они задумали завести для своей будущей газеты собственную типографию. С этой целью В. Обнорский выехал заграницу, где ему удалось приобрести и доставить к месту назначения типографский станок. Впрочем, эта первая рабочая типография скоро провалилась и разделила в этом отношении судьбу поставившего ее „Северно-Русского Рабочего Союза“.

нес большую пользу Обнорскому: будучи тогда сам анархистом, он-однако, посиссобствовал тому, что этот его слушатель в сильной степени склонился к взглядам германской социал-демократической пар, тии, что ясно выражено было Обнорским и его товарищами в выпущенной ими программе Северно-Русского Рабочего Союза“. Дело здесь, разумеется, не в одних Аксельроде и Обнорском; как мы видели, такова была общая участь народников, которые, будучи сами анархистами, толкали сознательных рабочих к принятию пролетарской, марксистской программы.

[1]) Тогда этот план не удалось осуществить. Лишь 20 лет спустя возникли такие рабочие газеты. Типом их была петербургская „Рабочая Мысль“.

Задуманная инициаторами союза рабочая газета так и не увидела света. Обнорский был арестован в феврале 1879 года, а С. Халтурин, как ниже увидим, вскоре увлекся иного рода деятельностью. Повидимому, полицейские репрессии, обрушившиеся на революционеров в 1879 году, разбили первое ядро основателей союза, и деятельность его заглохла. Только через год после ареста Обнорского, в феврале 1880 года, появился в Петербурге первый и единственный номер рабочей газеты под названием „Рабочая Заря“. Но она не имела того характера, который должна была иметь по мысли Халтурина. Да это и не была, собственно говоря, газета, а скорее передовая статья для газеты или, если угодно, прокламация. Издана она была группой рабочих с именами малоизвестными в истории нашего революционного движения. (Налетушкин, Григорьев, Павлов, Гусев) и напечатана была (в виде небольшого, плохо оттиснутого листа, на одной стороне) в типографии, поставленной, повидимому, при помощи народовольцев. Трудно даже сказать, были ли эти рабочие членами прежнего „Северно-Русского Рабочего Союза“, основанного в 1878 году. При тогдашних правительственных репрессиях, обрушивавшихся на молодые, неокрепшие организации, преемственность движения легко обрывалась. По крайней мере, „Рабочая Заря“ подписана не „Северно-Русским Рабочим Союзом“, а „Северным Рабочим Союзом“. Может быть это просто опечатка, но возможно, что кружок, выпустивший эту газету, был совершенно новой организацией, не связанной с прежней организацией Халтурина и Обнорского. Принимал ли сам Халтурин какое-либо участие в издании „Рабочей Зари“, неизвестно: в это время он был как раз занят подготовкой взрыва в Зимнем дворце в целях цареубийства.

В виду того, что „Рабочая Заря“ все же, несомненно, связана с деятельностью „Северно-Русского Рабочего Союза“, если не организационно, то идейно, мы призо-

дим ее здесь полностью, как документ, характерный для истории первых шагов русского рабочего движения, в которых Степан Халтурин сыграл такую крупную роль [1]).

Вот эта первая рабочая газета в России...

„Рабочая Заря".

№ 1. *Петербургъ, 15 февраля 1880 года.*

Слыхали вы верно, братцы, что недавно здесь, в Петербурге, были арестованы две тайные типографии [2]). Меж нами правительственные шпионы хотели распустить и распускали слухи, что издатели этих тайных изданий—злодеи, губители, что они нарочно хотят бунтовать народ,—были бы только беспорядки, чтобы самим было легче наживаться при этих беспорядках. Не верьте этому, братцы. Правительство хочет только затуманить нам глаза, хочет скрыть от нас правду. Это наши единственные друзья, единственные борцы за нас; они хотели нам показать наше положение, они хотели выяснить нам и всему русскому народу, почему мы так бедствуем,—хотели нас научить, каким путем можем мы добиться лучшего положения. И что мы видели от них худого? Они хотели, видно, нам говорить правду, хотели нам помочь, и за это правительство их гонит, арестует, вешает, мучит в тюрьмах и на каторге. И каково наше положение, братцы, вышедшие из народа, сотворенные его нищетой, бескровные и безземельные, подавляемые правительством, замучиваемые на фабриках и заводах, презираемые своими хозяевами? Что взамен за свой непосильный труд, за свои страдания получаем мы, рабочие? с раннего утра и до позднего вечера на фабрике, на ночь в сырых и вонючих подвалах с полуголодной семьей, без надежды на лучшее коротали мы свой век, и тот скудный заработок, на который мы живем, и тот может быть

---

[1]) Впервые „Рабочая Заря" была опубликована в № 3 „Пролетарской Революции" за 1922 год. Затем она была полностью приведена (вместе с фотографическим снимком) в статье А. А. Шилова—Последняя страница из жизни „Северного Рабочего Союза" в Петербурге в 1880 г.", напечатанной в журнале „Красная Летопись", № 2—3, 1922 г.

[2]) Речь идет об аресте тайных типографий „Народной Воли" и „Черного Передела" в Петербурге.

легко отнят расчетом хозяина или нашей болезнью,—и тогда смерть или жизнь с милостыни. И так придется нам жить в вечной работе и в бедности, если мы сами не постоим за себя. Кто за нас заступится, от кого нам ждать помощи? Не от правительства ли, которое во всем поддерживает наших хозяев, безнаказанно дозволяет им обирать нас, подавляет всякое наше противодействие, всякое желание хоть немного улучшить свое положение, запрещает нам стачки, запрещает вступления в союзы, и за участие в стачках и союзах, и по одному только подозрению заключает нас в тюрьмы и ссылает в каторгу, выдумывает паспорта, чтобы нас еще легче можно было закрепостить хозяину? Вспомните, братцы, забастовку на Новой Бумагопрядильне прошлого года. За что там сослали сорок лучших из наших товарищей, а в апреле того же года за что выслали больше семи сот рабочих?

Надеяться ли нам на фабрикантов, которые на наши трудовые копейки наживаются, нашим потом питаются, нашею кровью напиваются, в интересах которых лежит как можно меньше нам дать и как можно больше с нас содрать? И не хуже ли все становится нам, братцы? Не так давно еще, лет десять—пятнадцать тому назад, наш брат, пошедши на заработок, мог иногда и сто и больше заработать в месяц, а в семидесятом году не редко и по 200 рублей зарабатывать, а теперь еле тридцать на заводах и шестнадцать на фабриках, а иногда и того меньше; а подати увеличились, и жизнь вздорожала, и не всегда теперь работу найдешь. Нет, братцы, ни от правительства, ни от хозяев не ждать вам помощи; и для правительства, и для хозяев-фабрикантов, и для всех, кому больготно и привольно живется на Руси, для тех, которые отняли у нас и всего русского народа нашу землю, закабалили нашу волю, важно, чтобы мы были подавлены, чтобы мы всегда оставались вьючной скотиной, на которой можно было бы работать сколько угодно чтоб мы никогда не могли сознать всей несправедливости и тяжести нашего положения, чтобы мы никогда не додумались сбросить с себя долговечное рабство, заявить свои справедливые права. Не ждать нам от них помощи,—мы сами должны себе помочь, мы сами должны устроить и обеспечить свое положение; на нашей стороне право, на нашей сила. С начала не было ни панов, ни хозяев, ни чиновников: вся земля русская принадлежала мирам вольного русского народа; у нас эту землю отняли, но за нами осталось право владеть ею. На подати, которые мы сами платим, на труд наш содержится все государство, все различные учреждения, школы и университеты, банки и железные дороги; на наши трудовые деньги сооружены фабрики и заводы; из наших рядов, и опять на наши же деньги, создана семисот-

тысячная армия, мы дали возможность всем, за исключением самих себя, жить и пользоваться всеми радостями жизни. Мы, и только мы, выработали себе право на существование: кругом себя мы видим хищность правительства, продажность чиновничества, алчность, роскошь и распутство других классов общества. На нашей стороне нравственная сила, наши интересы, как обнимающие интересы всего народа, должны поглотить все сословия, должны уничтожить все, что было и есть несправедливого.

Мы, вместо существующей ныне в человеческих отношениях борьбы всех противу всех, провозглашаем братство, равенство и свободу для всех. Теперь мы бесправны, но мы должны вместе со всем народом русским получить в общее пользование ту землю, которой владеют теперь паны (и) правительство. Мы, сообща работавшие на фабриках и заводах, на которых так нагло и подло воровали и воруют наш труд, мы должны сделаться обладателями этих фабрик и заводов. Мы, теперь угнетенные, должны сделаться свободными, мы должны отвоевать себе свои порабощенные права. Но против нас все, которым хорошо живется при нашем рабстве и ничтожестве; против нас все, в которых корыстолюбие заглушило всякие человеческие чувства; все они восстанут отстаивать свои несправедливые права против нас. До тех пор, пока мы разобщены, пока мы не соединены все одним общим делом, мы ничего не в состоянии будем сделать, мы не в состоянии даже защищаться, подать голоса жалобы, когда нас будут давить, когда мы будем погибать от чрезмерной работы и нищеты. Но сила наша—в нашем единодушии, в нашей сплоченности; когда мы будем идти все сообща, заодно, тогда никакая сила не устоит против нас. Посмотрите на наших братьев в Англии, во Франции, Америке, Германии и других государствах: несмотря на все гонения, на все препятствия со стороны правительств, их союзы насчитывают миллионы членов; как мы, и они были слабы, пока были разобщены, но теперь они—грозная сила, они близки к победе. Итак, приготовимся к борьбе, братцы! Будем соединяться во имя равенства, братства и своего освобождения, призовем всех в наши союзы, обсудим сообща свое положение, примем средства к успешной борьбе, дружно будем защищать свои права восстать против всякого насилия. Нечего нам страшиться, если нескольких из наших товарищей засадят в тюрьму или сошлют на каторгу,—это требует всякая борьба. Будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не пустим же его! Смело вперед, в борьбу с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь!

Типография Северного Рабочего Союза.

„Северно-Русский Рабочий Союз“ был, несомненно, зародышем будущей русской рабочей партии. Это видно не только из того, что ему удалось сплотить разрозненные рабочие кружки и собрать в своих рядах в первое же время своего существования около 200 членов-рабочих, но и из того, что союз выработал программу, в общем напоминающую программы европейских рабочих партий. Эта программа, изданная в виде „воззвания ко всем русским рабочим“, с первых же слов прямо указывает на тесную связь задач русского пролетариата с задачами рабочих Западной Европы. Вот эта программа:

„Северный Союз Русских Рабочих“, примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своею программою:

1) ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого;

2) учреж ние свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права;

3) уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением;

4) правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями союза должны быть:

1) свобода слова, печати, право собраний и сходок;

2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям;

3) уничтожение сословных прав и преимуществ;

4) обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях;

5) уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением;

6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления;

7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижений;

8) отмена косвенных налогов и установление прямого сообразно доходу и наследству;

9) ограничение числа рабочих и запрещение детского труда;

10) учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря".

Составители этой программы, выработанной в конце 1878 года, руководились, повидимому, программой германской социал-демократической рабочей партии, принятой на об'единительном с'езде 1875 года в Готе. Уже один выбор образца весьма характерен. Но в ней есть и кое-что оригинальное. Если пункт говорящий о государственной помощи производительным товариществам (старая мысль Бюше, Луи Блана и Лассаля), заимствован из тогдашней немецкой с.-д. программы, то пункт о вольной федерации общин—явно бакунистского происхождения и, вероятно, подсказан рабочим анархистами и „землевольцами".

Главная своеобразная черта этой программы заключается в ближайших требованиях, выставленных ею. После указания конечной цели союза (программа-максимум): уничтожения современного политического и экономического строя, отмены частной собственности на землю и на орудия производства и передачи их в руки самих трудящихся, идет ряд ближайших, непосредственных требований (программа-минимум), направленных,

во-первых, к охране труда, всеобщему народному обучению и т. д., а, во-вторых, к осуществлению политических вольностей. И в высшей степени характерно, что авторы программы мотивируют (об'ясняют) включение этих непосредственных требований в свою программу тем соображением, что политическою свободою обеспечивается решение социального вопроса. Это—старая мысль марксовского интернационала, что экономическое освобождение рабочих немыслимо без их политического освобождения, а потому завоевание политической свободы есть дело первой и безусловной необходимости.

Для того времени это было в России необычным новшеством. Народническая курица высидела пролетарских утят. Землевольцы в № 4 своей газеты („Земля и Воля“) высказались против такой ереси. Другая народническая газета, выходившая за границей, „Община“, в своем последнем номере (8—9) тоже предостерегала против увлечения политической борьбой („конституционализмом“). Но жизнь не стояла на месте. Политическая борьба начинала увлекать и самих „землевольцев“. Господствовавший тогда в России политический строй—царское самодержавие—слишком больно бил по всем социалистам, как интеллигентам, так и рабочим, и непосредственная борьба с ним становилась в порядок дня. В частности, отсутствие политической свободы парализовало развитие слабых ростков рабочего движения.

„Северно-Русский Рабочий Союз“, несомненно был зародышем русской рабочей партии. Правда, он первоначально имел местный, почти исключительно петербургский характер со своими районными комитетами, отделениями и заводскими кассами; его центральный кружок,—зародыш будущего центрального комитета,—районом своей деятельности имел только северную столицу.

Но у него были все данные для дальнейшего распространения на другие промышленные районы страны. У руководителей его были связи с Москвой, отчасти Поволжьем и Уралом; можно было надеяться на устано-

вление связей с „Южно-Русским Союзом“ (Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону и пр.). Постепенно могла бы создаться общерусская рабочая партия, о которой мечтал Халтурин. Но по дороге к осуществлению этого плана стоял царизм. И тогдашним революционерам начинало казаться, что устранить его можно непосредственным нападением на его виднейших агентов и представителей, в особенности на царя. Такие боевые акты получили название „террористических“ (ясно, что здесь речь шла об актах индивидуального, личного террора).

На этот путь террора стал и Халтурин.

V. Халтурин-террорист.

Отдельные акты террористических покушений на агентов царской власти имели место и раньше. Но к концу 70-х годов XIX века они все учащаются и превращаются в систему политической борьбы. Народники на словах открещивались от политической борьбы, но на деле вели ее все решительнее. При обществе „Земля и Воля“, как мы говорили, образована была даже особая „дезорганизаторская группа“, практиковавшая террор (убийство шпионов и предателей и т. п.). Затем часть землевольцев в союзе с некоторыми, не входившими в партию, лицами составили группу, принявшую название „Исполнительного Комитета“ [1]) и произведшую ряд террористических действий (особенно на юге России). Во главе его стоял Валериан Осинский, работавший в Киеве и отчасти в Одессе. Зимой 1878 года Осинский даже предложил изменить народническую программу „Земли и Воли“, включив в нее политические требования (что, как мы знаем, уже сделано было „Северно-Русским Рабочим Союзом“), но это предложение было тогда отклонено большинством.

---

[1]) Его не следует смешивать с „Исполнительным Комитетом“ партии „Народной Воли“ (см. ниже).

Но вскоре в обществе „Земля и Воля“ произошел на этой почве раскол. Часть „землевольцев“, сторонников политической борьбы, об'единилась на Липецком с'езде (17—21 июня 1879 года) с некоторыми товарищами, не входившими в общество (напр., А. Желябов), и вместе с ними образовала новую партию „Народной Воли“. Другая часть „землевольцев“, не сумевшая столковаться с „политиками“ на Воронежском с'езде (20—24 июля того же года) и оставшаяся верной старым народническим взглядам, образовала партию „Черного Передела“.

Последний, как серьезная сила, скоро сошел со сцены [1]). „Народная Воля“ продолжала действовать одна, привлекая в свои ряды все деятельные элементы среди тогдашних русских революционеров, как интеллигентов, так и рабочих (Тихонов, Пресняков, Т. Михайлов, Тетерка и др.), Народовольцы (как скоро начали называть членов этой партии) стояли на той точке зрения, что первой задачей русских социалистов является насильственное ниспровержение царского самодержавия и передача всей власти народу. Средством для осуществления этой цели они считали политический заговор и политический террор, т.-е. насильственные посягательства на видных представителей государственной власти и главным образом на царя. Во главе партии стояла тайная организация „Исполнительный Комитет“, фактически и совершавший все террористические покушения с помощью немногих, не входивших в его состав, товарищей.

То, что первая политическая борьба русских социалистов выразилась в форме личного террора, об'яснялось в конечном счете тогдашней слабостью массового народного, в частности, рабочего движения. Неудачный опыт пропаганды в крестьянстве поселил в ре-

---

[1]) Через 3—4 года из рядов „чернопередельцев“ вышла первая русская марксистская организация—группа „Освобождение Труда“ (Плеханов, Аксельрод, Дейч, В. Засулич, Игнатов).

волюционерах глубокое разочарование в возможности массовой организации трудящихся и массового их движения при отсутствии политической свободы. Народовольцы по своим социальным воззрениям оставались теми же народниками. О самостоятельном массовом движении пролетариата со своими особыми классовыми задачами они и не помышляли. Да и пролетариат в тогдашней России был ещё слишком слабым и отсталым. Вместо того, чтобы сказать себе, что только массовое движение рабочего класса поведет к падению царизма, народовольцы, наоборот, думали низвергнуть самодержавие собственными силами, чтобы таким образом расчистить дорогу для организации народных сил. Правда, они отдавали сравнительно много энергии пропаганде среди рабочих, но если „землевольцы“ смотрели на работу среди пролетариата, как на способ вербовки пропагандистов для деревни, то народовольцы смотрели на рабочих, как на важных помощников в деле политического переворота, и старались извлекать из рабочей среды самых энергичных людей для участия в террористических актах.

Это было естественно, ибо народовольцы были глубоко убеждены, что с помощью террора им удастся, если не совершенно низвергнуть самодержавие, то, во всяком случае, принудить его к широким политическим уступкам. А тогда рабочее и крестьянское движение сразу сделало бы большой шаг вперед.

К таким взглядам начал склоняться и Халтурин — именно потому, что он горячо желал освободить рабочий класс от политических пут и мечтал о всероссийской организации рабочих.

Уже к весне 1879 года, т.-е. в то время, когда „Северно-Русский Рабочий Союз“ насчитывал едва несколько месяцев существования, общество „Земля и Воля“ из бунтарского, каким оно было прежде, наполовину превратилось в террористическое. Те из его членов, которые остались верны старой программе, жили

большею частью в „народе", в „поселениях", раскинувшихся в разных местах нижнего и среднего Поволжья, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Большинство же живших в Петербурге „землевольцев" с ревностью новообращенных стояло за террористическую деятельность или, как тогда выражались, за дезорганизацию правительства. „Рабочее дело" никем не отрицалось в принципе. Но на деле посвящавшиеся ему силы и средства стали убывать очень и очень заметно. Более того, из самой рабочей среды стало отрываться все более людей для террора. А шли на это самые энергичные и выдающиеся.

Рост политического террора оказал вредное влияние на развитие тогдашнего рабочего движения еще и с другой стороны.

С самого основания своего „Северно-Русский Рабочий Союз" поставлен был террористической тактикой революционеров в довольно затруднительное положение. С каждым новым террористическим актом росли полицейские строгости, умножались обыски, аресты и ссылки. Для нелегальных революционеров этот «белый террор» до поры до времени был совершенно безвреден, так как им удавалось скрывать свои следы от самых опытных сыщиков. В ином положении были легальные революционеры, чем-нибудь успевшие обратить на себя неблагосклонное внимание политической полиции. Работа их была страшно стеснена В Рабочем союзе нелегальных было немного; кроме Халтурина, нелегального с 1878 г., еще, может быть, два, три человека. Но зато многие и часто самые деятельные, опытные и влиятельные легальные члены его давно уже находились у полиции на дурном счету. Им плохо приходилось от белого террора. Их хватали, держали в тюрьмах, ссылали. Выстрел А Соловьева в царя Александра II (4 апреля 1879 г.) довел полицейские строгости до неслыханной степени. Вместе с тем он же указывал, повидимому, и выход из невыносимого положения. Падет царь, падет

и царизм, наступит новая эра—эра свободы. Так думали тогда очень многие. Так стали думать и рабочие.

Так стал думать и Халтурин. На путь террористической борьбы его толкнул разгром «Северно-Русского Рабочего Союза» в результате полицейских преследований. Здесь же могло действовать отчасти и законное чувство мести, которое побуждало тогда многих революционеров отвечать на разгул белого террора красным террором.

VI. Взрыв Зимнего дворца.

Летом 1879 г. кому-то из членов союза предложено было место столяра в Зимнем дворце. Он сообщил об этом своим ближайшим товарищам. «Что-ж, постучай,— заметил один из них,—кстати уже и царя прикончить». Это было сказано в шутку. Но шутка произвела на присутствующих глубокое впечатление; они серьезно задумались над мыслью о цареубийстве. Призвали на совет Халтурина. На первый раз он высказался неопределенно: посоветовал только не болтать да разузнать получше о предлагаемом месте... Новое покушение на жизнь Александра II, в случае неудачи, наверное, причинило бы союзу новые потери, тем более, что самому Халтурину приходилось итти почти на верную смерть. Он знал, какое расстройство внесет его гибель в дела союза. Но все эти соображения не устояли перед одним: смерть Александра II принесет с собою политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение пойдет у нас не попрежнему. „Тогда у нас будут не такие союзы, с рабочими газетами не нужно будет прятаться“. Степан недолго колебался. Доступ во дворец был обеспечен. Оставалось запастись взрывчатыми веществами. И осенью 1879 года Халтурин предложил свои услуги „Исполнительному Комитету“, сооб-

щив ему о возможности совершить покушение против царя [1]).

Во дворец Халтурин поступил под фамилией столяра Батышкова, кажется, около октября 1879 г. и первое время, конечно, был занят исключительно разведками в этом новом для него мире [2]). Царь в это время проживал еще в Ливадии [3]), и во дворце по этому случаю все было свободно, без стеснений, без присмотра. Нравы и обычаи новых сотоварищей поражали Халтурина. Прежде всего удивителен был беспорядок в управлении. Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху до низу превосходили всякое вероятие. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которые свободно приходили без контроля и надзора десятки их знакомых. В то время, как с парадных подъездов во дворец не было доступа самым высокопоставленным лицам, черные ходы во всякое время дня и ночи были открыты для всякого трактирного знакомца самого последнего дворцового служителя. Нередко посетители оставались и ночевать во дворце, так как остаться там было безопаснее, чем итти поздно ночью домой по улицам, на которых усердствовала полиция Гурко. Воровство дворцового имущества оказывалось настолько всеобщим, что даже Халтурин принужден был ходить воровать

---

[1]) По словам И. Халтурина (см. его „Семейные воспоминания о Степане Халтурине“ в № 17 „Былого“), который сам основывается на рассказе Н. Башкирова, приятеля Степана по Вятке, встречавшего Степана в Петербурге как раз в это время, С. Халтурин попал на работы в дворцовом ведомстве через одного поставщика рабочих для дворца, немца, которому очень приглянулся молодой, способный и искусный в своем ремесле столяр.

[2]) Дальнейший рассказ заимствован в большей части из „Календаря Народной Воли“, Женева, 1383 стр. 41—48.

[3]) Не этот ли факт ввел в заблуждение И. Халтурина, который, со слов Н. Башкирова, рассказывает, что до поступления во дворец Степан работал на императорской яхте „Ливадия“. Другие источники об этом ничего не говорят.

с'естные припасы, чтобы не показаться подозрительным [1]). Впрочем, нельзя было и не воровать. Едва ли кто мог поверить, чтобы у русского царя дворцовые камердинеры получали по 15 руб. в месяц. И, однако, жалование дворцовой прислуги было именно таково.

Халтурин, поступивший во дворец с фальшивым паспортом, в котором числился крестьянином Олонецкой губ., старался разыгрывать роль простака. Он всему удивлялся, обо всем расспрашивал. Его учили придворным порядкам, как говорить, как отвечать, как себя держать. Над его неуклюжими манерами, над его притворной привычкой чесать за ухом потешалось все „полированное" лакейство. — „Нет, брат, нет! Полировать ты, действительно мастер, так что и блоха не вскочит [2]), а обращения настоящего не понимаешь". Неотесаному мужику всякий старался пустить пыль в глаза, и из множества рассказов Халтурин скоро познакомился с жизнью даже и верхних этажей дворца. Что касается самого здания, то Халтурин, конечно, скоро с ним вполне ознакомился. С любопытством осматривал он царские покои, видел все эти несметные богатства, видел комнату, где хранились груды золотых и серебряных вещей и множество драгоценных камней, видел и только удивлялся, почему это все не раскрадено еще: до такой степени небрежен был надзор.

---

[1]) Этот факт отчасти подтверждается рассказом Н. Башкирова (приведенным П. Халтуриным в его „Семейных воспоминаниях о Степане Халтурине"). Башкиров рассказывал, будто они и его приятели неоднократно (?) ходили во дворец к Степану, где у них завелись знакомства со служащими дворца и где они за занятия с детьми получали продукты из царских кладовых, шедших на пополнение скромного студенческого бюджета. Но полагаться на свидетельство Н. Башкирова невозможно, ибо он, например, сообщает, будто Халтурин все время осведомлял его о ходе дела с подготовкой мины. Кто поверит, чтобы террорист, подготовляющий цареубийство, стал посвящать в такое дело посторонних обывателей?!

[2]) Это высшая похвала полировщику. Значит, если на отполированную им вещь пустить блоху, то она не может вскочить: настолько гладка поверхность, что даже блошиная нога скользит

Познакомившись с расположением комнат, Халтурин убедился, что подвал, где жили столяры, а в том числе и он, находится как раз под царской столовой, а в среднем этаже между подвалом и столовой помещается кордегардия дворцового караула. Обстоятельства таким образом складывались благоприятно для замыслов Халтурина; но, несмотря на это, он не мог приступить ни к каким дальнейшим действиям, так как в это время во дворце началась усиленная уборка, чистка, вообще работа. Царь должен был скоро приехать, и во дворце засуетились. Халтурин был завален работою и, как лучший столяр, работал главным образом в царских покоях, в кабинете и т. д., между прочим, и в столовой, которую собирался взорвать. Выходить из дворца было некогда, работать над „своей" работой—тоже. В общей сложности вышло, что первоначальный план „Исполнительного Комитета" — превратить дворец в резервный пункт на случай неудачи в других местах, не осуществился. В Одессе, Александровске, Москве [1]), ко времени отъезда царя из Крыма все было готово для его встречи, но дворец оставался совершенно невооруженным. В это время, по словам лиц, сообщивших эти сведения, Халтурин уже был „агентом„ „Исполнительного Комитета" (т.-е. фактически его членом), и сношения вел с ним через А. Квятковского [2]).

[1]) Осенью 1879 года народовольцы подготовили на пути царя из Крыма в Петербург следующие предприятия: 1) подкоп в Одессе на Итальянской (ныне Пушкинской) улице, в котором участвовали Исаев, Вера Фигнер и пр.; 2) покушение на железной дороге под Одессой, где поселился в качестве стрелочника Фроленко; 3) подкоп под полотно железной дороги близ г. Александровска, Екатеринославской губ. при участии А. Желябова, рабочих Тихонова и Окладского (взрыв не произошел, хотя и провода были сомкнуты); 4) подкоп железной дороги под Москвой (Гартман и Перовская) взорван был не царский поезд, а пущенный вперед поезд с дворцовой свитой. Несколько раньше предполагался взрыв на пристани в г. Николаеве (Витенберг, Логовенко и др.).

[2]) Александр Квятковский судился в Петербурге по процессу 16-ти террористов в 1880 году и по приговору военно-окружного суда повешен тогда же вместе с рабочим-террористом Пресняковым.

Настала середина ноября. Царь выехал из Крыма сухим путем. Одесса, стало быть, осталась в стороне. Затем в Александровске произошла осечка, в Москве промах. Зимний дворец должен был молчаливо принять в свои покои высокого гостя. Но зато, очевидно, с этого момента дворец сосредоточивает на себе все внимание революционеров. Минирование царского жилища, естественно, должно было быть поведено самым энергичным образом. Однако, в это именно время произошел арест Квятковского с захватом у него плана Зимнего дворца. На этом плане царская столовая была помечена крестом. Обстоятельство это подвергло страшному риску все дело, а Халтурина, в частности, поставило в истинно-каторжное положение.

План дворца, захваченный на такой квартире, как квартира члена „Исполнительного Комитета“ и террориста, заставил встрепенуться всю столичную полицию, в том числе и дворцовую. Начались строгости. Но хуже всего подействовал крест на столовой. Что он означает? Полиции государственная и дворцовая ломали себе голову и, хотя в точности не могли разобрать дела, но не могли не почуять вообще какой-то опасности. Все покои, прилегающие к столовой сверху, внизу и с боков, подвергались осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиция была усилена. В подвале, где жили столяры, поселился жандарм. Полковник, заведывавший дворцовой полицией, ввел систему внезапных обысков, дневных и ночных.

Халтурин, который уже успел перенести к себе некоторое количество динамита, в первый раз был страшно встревожен обыском. Ночью, когда уже все спали, двери подвального помещения вдруг отворились. Полковник в сопровождении жандармов быстро входит. Звук шпор, бряцанье сабель, наконец, приказание полковника встать разбудили столяров. Халтурин считал себя уже погибшим. Не зная о систематических обысках, только-что введенных, он, конечно, мог отнести ночное посещение

только на свой счет. А у него лежал под подушкой динамит. Однако, дело обошлось благополучно. Порывшись слегка в вещах рабочих, заглянувши в разные углы, охранители царского жилища с таким же громом, звоном и сверканьем удалились для обыска других помещений, а Халтурин только тут поверил, что еще не провалился.

С тех пор обыски в разное время стали повторяться все чаще. Но так как они большею частью были довольно поверхностны, то Халтурин их еще не очень боялся. Гораздо хуже было то, что обыску стали подвергать всех рабочих, возвращавшихся во дворец из каких-либо отлучек Как при таких условиях переносить на себе динамит? Вообще свободный вход и выход всякой прислуги чрезвычайно стеснили. Все живущие во дворце обязаны были постоянно иметь при себе значек (медная бляха), отлучки контролировались, возвращающиеся обыскивались. Посещения посторонних стали невозможны.

При таких-то условиях нужно было переносить во дворец динамит и устраивать мину. Желябов [1]), сменивший Квятковского в сношениях Халтурина с „Исполнительным Комитетом“, лихорадочно торопил дело минирования [2]); но оно все-таки подвигалось черепашьим шагом. Не было никакой возможности проносить динамит иначе, как небольшими кусками, каждый раз изобретая разные хитрости, чтобы избежать осмотра или обмануть бдительность осматривающих. Переносил его Степан в кульках под видом сахара. С другой стороны, нельзя было и отлучаться из дворца слишком часто. При всем желании покончить, наконец, с таким мучительным положением, Халтурин мог наполнять свою мину

---

1) Андрей Иванович Желябов (1850—1881)—один из главных представителей партии „Народной Воли“ казнен в 1881 году за организацию цареубийства 1 марта 1881 года.

2) По тем-же сведениям, переданным со слов Халтурина.

только очень медленно. Доставлялся динамит для взрыва царского дворца морским офицером Н. Сухановым [1]) из складов морского ведомства.

Впрочем, в сущности это вовсе и не была мина, потому что при существовавших тогда условиях Халтурин и не мог сделать почти никаких приспособлений для направления силы взрыва. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли. Известно, что нитроглицерин — вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляет кровь даже через вдыхание этих испарений, производя нервное расстройство и головные боли, которых ничем нельзя облегчить. Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложивши разными вещами. Таким образом роль мины играл простой сундук. Затем по совету техников, Халтурин придвинул его возможно ближе к углу между двумя капитальными стенами, чтобы иметь наиболее шансов обрушить столовую. Для воспламенения динамита сразу решено было прибегнуть к трубкам, начиненным особым составом, который мог гореть и при отсутствии воздуха. Само собою разумеется, трубки были расчитаны на то время, которое требовалось для того, чтобы выйти из дворца на определенное число минут. Вот и все нехитрые приспособления, какие возможно было сделать. Что же касается помещения мины в стену и т. п., то об этом не стоило даже фантазировать. Риску на каждом шагу и каждую секунду и без того было достаточно.

Вообще положение Халтурина было самое неприятное. Постоянно следя за собою и всем окружающим, ему нужно было в то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояние, казаться баззаботным.

---

1) В 1882 году лейтенант Суханов за принадлежность к „Народной Воле“ и за участие в цареубийстве был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Между тем Халтурин был человеком крайне нервным и впечатлительным. Чахотка, которая у него развивалась все больше, еще усилила эту нервность, не говоря уже о том, что самое положение, беспрерывная опасность, беспрерывная хитрость, беспрерывный переход от тревоги к надежде — все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряжение воли для того, чтобы не выдавать своего волнения и всей внутренней душевной борьбы. Во что обошлась Халтурину эта игра, про то знает только он один. Но, в конце концов, он выдержал роль превосходно.

Подозрительность носилась в дворцовом воздухе, всеобщая мнительность готова была привязаться к малейшему обстоятельству. Но Халтурина никто все-таки не заподозрил. Даже жандарм, поселенный в одной комнате со столярами, почувствовал к Халтурину особенную симпатию и все обучал его „благородному обхождению". — „Ну, что ты руки в затылок тычешь?—выговаривал он,— с тобой господин полковник говорят, а ты руку в затылок. Эх ты, деревня! Нужно, братец ты мой, по благородному"... Жандарм, впрочем, имел свои виды: он помышлял о «приличной» партии для своей дочери и остановил выбор на молодом столяре. Халтурин с своей стороны не отказывался прямо, хотя и не особенно поощрял намеки старика. Вообще же эта неожиданная история сослужила ему хорошую службу.

Впрочем, Халтурина и без того никто не подозревал. Попрежнему ему поручались работы в царских комнатах. Делалось это, конечно, в отсутствии царя, но однажды случилось, что царь возвратился не в срок, Халтурина не успели вывести, и Александр II неожиданно столкнулся с своим врагом[1]). Это был единственный слу-

1) По рассказу И. Халтурина (все со слов того же Башкирова) Степан, даже находясь уже в Зимнем дворце, был первоначально против убийства царя путем взрыва, при котором посторонние жертвы были неизбежны. Он предпочитал убить тирана кинжалом или из револьвера. Но расчитывать на удачу такого способа не приходилось.

чай их встречи за все время, но он все-таки показал Халтурину, как далеки во дворце от всяких подозрений относительно его. А между тем разговоры о социалистах (их так и называли там) шли между полицией и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочим о злоумышленниках, о плане, найденном у Квятковского, и внушали, что нужно смотреть в оба, что крест стоял на плане недаром, и во дворце, наверное, где-нибудь кроется измена. Эти речи возбуждали всеобщую подозрительность хотя, надо сказать, что социалисты рисовались нижним этажам дворца в довольно фантастическом свете.—«Вот хотелось бы взглянуть на кого-нибудь из них,—говорит, например, один служитель:—хоть бы встретить на улице, что ли».—«Да ведь как же ты его узнаешь?—возражал Халтурин,—разве на нем написано?» «Не узнаешь! Эх ты, деревня! Его сейчас видно. Он, брат, идет, так сторонись. Того гляди, пырнет. Ничего не боится, глядит высоко, вид у него отчаянный. Его, брат, сразу признаешь!» По таким приметам, разумеется, нелегко было узнать Халтурина, и он продолжал свое дело при общем доверии, получивши даже к празднику (на Рожество 100 рублей награды).

А дело уже шло к развязке. Около трех пудов динамита было перенесено в сундук. По расчетам техников, этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую, не производя в других частях дворца бесполезного опустошения. Вообще со стороны Желябова, следившего за ходом дела, постоянно сказывалось желание, по возможности, уменьшить число жертв. Халтурин, напротив, не хотел этого принимать в соображение. Он доказывал, что число жертв все равно будет огромное. «Человек 50 перебьет без сомнения,—говорил он:—так уж лучше класть побольше динамиту, чтобы

Встреча Халтурина с Александром II была чисто случайной и совершенно неожиданной.

хоть люди недаром пропадали, чтобы наверное свалить и самого и не устраивать нового покушения» [1]). Страшный риск при переноске динамита и постоянно усиливающаяся строгость надзора во дворце заставили, однако, действительно торопиться. Сверх того, носились даже слухи, что столяров переведут куда-то. Мнение Желябова, естественно, в силу обстоятельств восторжествовало. Решено было действовать при данном количестве динамита, как только представится случай.

Благоприятный случай этот требовал совпадения двух обстоятельств. Нужно было, чтобы царь находился в столовой, а Халтурин в подвале без всякого надзора. В столовой царь обедал ежедневно, хотя с некоторыми колебаниями во времени, так на полчаса раньше или позже. Что касается столяров и жандарма, то их отсутствие зависело отчасти от распределения дежурства в работе, отчасти же от простой случайности. Совпадение всех этих благоприятных условий происходило, однако, не так часто. И когда в начале февраля Халтурин должен был «действовать», то несколько дней испытывал постоянные неудачи. Он в это время каждый день, после времени предполагаемого взрыва, должен был видеться с Желябовым, чтобы сообщить об исходе, так как, в случае неудачи, ему следовало скрыться при помощи Же-

---

1) Эти сведения передаются в одинаковом смысле со слов и Желябова, и Халтурина. Халтурин всегда потом жаловался, что его не послушали, и испортили дело. По словам И. Халтурина, предполагалось зарядить мину 15 пудами динамита (об этом будто бы Степан рассказывал Башкирову. Но просто невероятно, чтобы террорист посвящал посторонних делу людей в такие подробности). При этом И. Халтурин сообщает прямо противоположные сведения об отношении Степана к возможности случайных жертв. По его словам, они страшили Халтурина, он их не желал и именно потому склонялся якобы к плану единоличного убийства. Он же сообщает, будто, именно Степан начал торопить дело со взрывом в виду усилившегося к нему подозрения и попытки жандарма при последнем проносе динамита обыскать его. Но сообщения И. Халтурина, основанные на словах совершенно постороннего делу Башкирова, вряд ли заслуживают серьезного доверия.

лябова. Они встречались на площади, в темноте, не всегда здороваясь. Халтурин, мрачный и злой, проходил быстро мимо, произнося нервным шопотом: «нельзя было... ничего не вышло»...

Эти ответы Желябов слышал несколько дней подряд. Наконец, 5-го февраля Халтурин, замечательно спокойный, поздоровался с ним и, словно фразу из самого обычного разговора, произнес: «Готово» [1])... Через секунду страшный грохот подтвердил его слова. Мину взорвало. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как-будто еще темнее. Но что скрывалось за этой темнотой там—на другом конце площади? Жив ли он, для которого пожертвовано столько жизней? Ни Желябов, ни Халтурин не могли ждать раз'яснений, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сбегались люди, прискакали пожарные. Что-то выносили оттуда: это были трупы и раненые. Их казалось ужасно много. Но что с самим виновником этой бойни, с Александром II? Желябов и Халтурин быстро удалились[2]).

Для последнего уже готово было верное убежище, насколько, конечно, они вообще существовали в царской России. И только по прибытии туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия? «Живой я не отдамся»,—

---

1) Все это передано со слов Желябова, который был просто восхищен самообладанием Халтурина.

2) И. Халтурин, со слов уже упоминавшегося Н. Башкирова, сообщает: „И в этот решительный момент Степан прежде всего озаботился о том, чтобы устранить всякую опасность от своих товарищей по работе, и увел их заблаговременно из дворца под тем предлогом, что в этот день он празднует день своего рождения и хочет угостить своих товарищей. Отведя их в трактир и организовав там пирушку, он вернулся во дворец, чтобы устроить запал для взрыва и, затем ушел на заготовленную ему конспиративную квартиру". Все это, по-видимому, придумано от начала до конца или Башкировым, или автором „Воспоминаний". Неужели же Степан не рассказал бы о таком факте Желябову или другим товарищам по партии?

говорил он. Его успокоили: квартира была защищена динамитными бомбами.

5 февраля 1880 года в Петербург приехал в гости к царю принц Баттенбергский. По этому случаю в Зимнем дворце должен был состояться торжественный обед, и этот именно момент избран был заговорщиками для взрыва. Предполагалось, что взрыв разрушит столовую и похоронит под развалинами дворца всю царскую семью со всей свитой приглашенных. Халтурин и произвел взрыв в назначенное время. По словам В. Фигнер [1]), взрыв произошел как раз в момент, когда царская семья входила в столовую. По другим, более многочисленным свидетельствам, из-за приезда принца царь к обеду опоздал на полчаса, и таким образом взрыв произошел преждевременно. Но он все равно не мог дать ожидаемых результатов в виду слабого заряда мины. Столовая уцелела, хотя пол в ней покоробился, а посуда попадала на столе. Зато пострадали подвал и расположенная между ним и царской столовой кордегардия, где находился конвой Финляндского полка, из состава которого около 50 человек было убито и ранено.

Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Нравственные страдания его были ужасны. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5-м февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не хотел примириться со своею неудачей и не простил Желябову того, что называл его ошибкой.

А впечатление от взрыва 5-го февраля было действительно потрясающим—не только в России, но и во всем мире. Итак, самодержавный тиран, попирающий тяжелой пятой величайшую страну, не может чувствовать себя безопасным в своем собственном дворце. Революционная же партия настолько сильна и имеет столько

---

[1]) См. ее книгу „Запечатленный Труд", ч. I, стр. 163.

связей, что может свободно проникать в такие заповедные места и устраивать на могучего деспота настоящую облаву. Насколько же прогнил этот режим! Престиж царизма сильно пал, обаяние же партии „Народной Воли“ настолько же возросло. В русском обществе усилилось течение в пользу конституции. Испуганный царизм, с одной стороны, усилил гонения на революционеров, а с другой — принужден был прибегнуть к заигрыванию с либеральной буржуазией, чтобы не допустить об'единения террористов с либеральным обществом. Провозглашена была „диктатура сердца“; диктатором назначен был Лорис-Меликов, который, одной рукой затягивая петлю на шее революционеров, другой пытался создать видимость либеральных преобразований для замирения всеобщего недовольства. Во всяком случае, казалось, что позиции самодержавия серьезно поколеблены, и Степан мог хотя бы в этом находить некоторое основание для утешения.

Если верить одному показанию В. Короленко, то Халтурин впоследствии раскаивался в уходе от деятельности среди рабочих и в увлечении террористической борьбой. Об этом сообщил В. Короленке питерский рабочий Павлов, находившийся вместе с ним в ссылке в Якутской области, куда Павлов был сослан за участие в издании „Рабочей Зари“ (выше цитированной нами). Павлов был учеником Халтурина и участником „Северно-Русского Рабочего Союза“. И вот этот Павлов рассказывал Короленке, что Степан Халтурин со слезами убеждал своих учеников рабочих продолжать пропаганду среди своей братии, но ни в каком случае не вступать на путь террора. „С этого пути возврата уже нет“, говорил он. [1])

Разговор этот, если только он точно передан Павловым, имел место приблизительно около того времени,

---

[1]) Вл. Короленко — История моего современника, „Голос Минувшего“, 1920—1921, стр. 28.

когда Халтурин организовывал взрыв в Зимнем дворце. Тем более он характерен. Даже в этот момент, т -е., в разгар своей террористической деятельности, Халтурин, значит, чувствовал, что террор окончательно отрывает его от рабочего дела, к которому его, видимо, тянуло попрежнему. Но выхода не было. Сам Халтурин признал, что раз ставши на террористический путь, приходится идти по нему до конца. И собственный его пример подтвердил справедливость его слов.

После 5-го февраля С. Халтурин продолжал действовать около двух лет. Пробовал он вернуться к своему „рабочему делу". Но логика раз принятого способа действий ставила свои неотразимые требования. Степан снова пошел на „террор". Наиболее громким актом из этой области деятельности Халтурина было участие его в убийстве Стрельникова.

VII. Убийство прокурора Стрельникова и смерть Халтурина.

Еще будучи киевским военным прокурором в конце 70-х годов, Стрельников обратил на себя внимание, как правительства, так и революционеров, бесчисленными обысками, арестами без разбора, циническим нахальством, с которым он обращался с арестованными, осыпая их бессмысленными клеветами и до суда, и на суде. Во время своих обвинительных речей этот палач, требуя для подсудимых смертной казни, „веревки", как он выражался, кричал: „Вот что ему надо!" обхватывал свое горло пальцами и, высовывая язык, шипел и корчился, как повешенный. „Достаточно одного моего убеждения в вашей виновности",—говорил Стрельников, не находя ни одной улики против арестованного: — „суд на все будет смотреть моими глазами". И драконовские приговоры киевских судов того времени, в особенности же казнь 19-летнего Розовского за то только,

что он не захотел выдать лицо, давшее ему прокламацию, служили блистательным подтверждением слов прокурора Стрельникова. Суд, действительно, на все смотрел его глазами [1])

Осенью 1881 г. царь поручил Стрельникову производство дознаний по политическим преступлениям на всем юге России. Снабженный чрезвычайными полномочиями и правом помимо генерал-губернаторов прямо сноситься с министром внутренних дел и даже с самим царем, Стрельников развернулся. Полетели телеграммы и приказы об арестах. По железным дорогам, на пароходах и на почтовых тройках отовсюду свозили арестованных; тюрьмы быстро переполнились; жандармы выбивались из сил. «По целым неделям глаз не смыкали»,— жаловались жандармы, вспоминая об этом „горячем“ времени. Забирали огульно всех, чья фамилия так или иначе стала известной Стрельникову: студентов, рабочих, частных лиц, отцов и матерей семейств и молодежь обоего пола, часто не вышедшую еще из детского возраста. На детей Стрельников набрасывался с особенной жестокостью, ругался и кричал на допросах, запугивал казнью, читал подложные показания товарищей, уличавшие их в неслыханных преступлениях, и наименее стойких доводил до слез, до истерики, до отчаяния. Арестовывают, например, совсем молоденькую девушку за какую-то невиннейшую переписку. На допросах Стрельников обещает ей виселицу за ее „преступления“, изложенные в показаниях такого-то и такой-то (называет фамилию), а затем к потрясенной, измученной допросом девушке подсылает тюремного смотрителя, который с самым сострадательным видом говорит ей о страшной участи, ее ожидающей, о страда-

[1]) Этот предшественник будущих военных прокуроров столыпинской эпохи хорошо описан в „Воспоминаниях“ Вл. Дебагорио-Мокриевича, который сам судился в 1879 году в киевском военно-окружном суде, где подвизался Стрельников.

ниях ее семьи и друзей и „отечески“ советует ей во всем сознаться. Как истинный хам, он обращался с рабочими на допросах особенно грубо, хватал за горло и проч... Стрельников производил над арестованными и другие эксперименты: выпускал на волю, опять арестовывал, снова выпускал и т. д. Матерям, просившим за своих арестованных детей, этот садист говорил с сладострастным восторгом: „Ваш сын будет повешен, сударыня!“ и доводил их до отчаяния. Никогда попытки самоубийства не были так часты между арестованными, как во время производства им дознаний.

Революционеры решили покарать этого гнусного царского палача. Это случилось в Одессе. Приговор над злодеем исполнен был Халтуриным и молодым народовольцем, студентом Желваковым.

В. Н. Фигнер [1]), работавшая в то время на юге в качестве представительницы партии „Народной Воли“, ознакомила находившийся тогда в Москве „Исполнительный Комитет“ с охарактеризованной выше деятельностью Стрельникова и передала общую просьбу убрать этого палача с занимаемого им места. Учитывая вместе с тем тот вред, который наносится партии „Народной Воли“ работой Стрельникова, Фигнер настояла на принятии „Исполнительным Комитетом“ постановления об убийстве Срельникова, которое должно было произойти в Одессе, куда он наезжал по делам службы.

После того, как В. Фигнер собрала в Одессе нужные сведения, могущие облегчить выполнение задуманного предприятия, „Исполнительный Комитет“, по ее просьбе, выслал туда двух человек, из которых 31 декабря 1881 года прибыл только один. Этот один был С. Халтурин. Фигнер передала Халтурину все имевшиеся у нее сведения о Стрельникове, и теперь Степан сам занялся слежкой за этим извергом. Но Стрельников неожиданно уехал из Одессы. За время его отсутствия

[1]) См. ее „Запечатленный Труд“, стр. 261 и след.

Халтурин выходил из себя от нетерпения и несколько раз собирался ехать в Киев, где находилась постоянная резиденция Стрельникова, чтобы там организовать покушение. Но в феврале 1882 года Стрельников снова появился в Одессе и приступил к своей обычной работе, выразившейся в многочисленных арестах.

Постановлено было совершить покушение во время послеобеденной прогулки Стрельникова по Приморскому бульвару. Ввиду предположения, что Стрельников носил кольчугу, решено было целить ему в голову и стрелять в упор. Для бегства исполнителей приговора заготовлены были лошадь и кабриолет, купленные на деньги, переданные Халтурину В. Фигнер. В помощники Халтурину „Исполнительный Комитет“ прислал студента Желвакова.

Теперь все было готово, и развязка не замедлила воспоследовать.

18 марта 1882 года Стрельников, пообедавши по обыкновению во французском ресторане, вышел на бульвал для обычной послеобеденной прогулки и, пройдясь несколько раз по средней аллее, сел на скамейку у прохода из крайней аллеи на среднюю, от которой она отделялась изгородью, окружавшей ряд деревьев. Рядом с ним сел один подозрительный суб'ект, который в Новороссийском университете выдавал себя то за студента Энгельгарда, то за вольнослушателя Смирнова. Это был, очевидно, охранник, сопровождавший Стрельникова. Когда Желваков, все время следивший за Стрельниковым, подходил к скамейке, нащупывая в кармане револьвер, Стрельников встал и пересел на соседнюю скамейку, оглядывая в полоборота среднюю аллею. Желваков остановился у конца изгороди, за которой сидел Стрельников, вынул револьвер и, прицелившись в правую сторону затылка, спустил курок. Голова Стрельникова мгновенно склонилась на правый бок и оперлась о спинку скамейки. Публика так и замерла на месте: никто не шевельнулся даже и тогда, когда через мгно-

вение на крайней аллее появился человек с револьвером в руке и, перепрыгнув через изгородь, пустился вниз по крутому спуску к Гаванной улице. Он поравнялся уже со зданием думы, когда Смирнов подбежал к краю аллеи и, махая руками, стал кричать вниз: „Ловите! держите!.. Убили среди бела дня". Тогда ожила и публика на бульваре; послышались голоса: „За доктором!"... Одна барыня решилась даже подойти к Стрельникову и приложить платок к ране, но ее заботы оказались напрасными: он был уже мерт. Через несколько минут появился генерал-губернатор Гурко (роковая скамейка стояла как раз против его дворца) и воскликнув: „Какие беспорядки", приказал отнести еще теплый труп Стрельникова в ближайшую гостиницу. Появилась, наконец, и полиция, начавшая свою деятельность с отобрания адресов у присутствующих.

Желваков между тем бежал вниз, отстреливаясь от преследователей, нагонявших его или пытавшихся преградить ему путь. Все, кто видел этот бег и эту необычайную защиту на узком и крутом спуске, не могли хладнокровно говорить о силе, ловкости и самообладании молодого героя. Выпустив все заряды из двух револьверов, он выхватил кинжал и, продолжая отбиваться, приближался все более к белой лошади, запряженной в пролетку, на которой поджидал его Халтурин у конца узкого спуска, выходившего на Гаванную ул. Между тем внизу перед спуском собралась уже куча прохожих. Они не знали, конечно, что совершилось там наверху, но с изумлением смотрели на несущегося к ним вооруженного человека, поранившего уже многих, пытавшихся его задержать. Им скоро стала заметна цель этого отчаянного бега; многие бросились к выходу спуска, чтобы в этом узком месте задержать бегущего, и окружили пролетку. В эту критическую минуту Халтурин, убедившись, что Желвакову пробиться к пролетке невозможно, соскочил с нее и, выхватив револьвер, хотел поспешить на помощь товарищу, но на первых же шагах спот-

кнулся. Приказчик из угольного склада, околодочный надзиратель и несколько карантинных рабочих бросились его задерживать. «Оставьте! Я—социалист, я за вас!»,—крикнул Халтурин. Рабочие инстинктивно остановились.—«Чтобы ты так жил, как ты за нас»!,—отвечал приказчик, здоровенный негодяй, вместе с околодочным всею тяжестью навалившийся на Халтурина.—«Конечно, не за таких мерзавцев, как ты, а за несчастный рабочий народ»,—проговорил тот, с трудом переводя дыхание. Подоспевшая полиция помогла им связать Халтурина, зверски скрутив ему руки глубоко впившимися в тело веревками.

Желваков увидал, что делается около пролетки, и, почти у самого прохода, свернул в сторону по направлению к Карантинной площади, все продолжая бежать, хотя силы, должно быть, уже начинали оставлять его. Столкнувшись с чиновником Игнатовичем, тоже бросившимся преграждать ему путь, он приостановился немного; тогда погоня мгновенно окружила его, обезоружила, повалила и связала. Обоих арестованных тотчас же увезли в полицию.

Постепенно распространяясь с бульвара, вести дошли и до нижних улиц. Сперва сведения были разноречивы: «Стрельникова убит!». «Градоначальника пристрелили!».—«Самого Гурко!». Но к ночи всюду уже было известно, что убийство «политическое», и убит именно Стрельников. Отношение тотчас же изменилось: «Если-бы знали, отбили бы»,—говорили карантинные рабочие. Рассказывали, будто даже сам Игнатович заболел от угрызения совести, что помог задержать убийцу Стрельникова. В городе стало заметно возбуждение. Одни спешили на бульвар посмотреть на место происшествия, кровь, скамейку; другие толпились у полицейского участка, куда привезли арестованных. Сочувственное отношение к событию можно было подметить повсюду.

Полиция вся на ногах. Пешие и конные патрули

попадаются на каждом шагу; по тротуару перед зданием полиции запрещено ходить; сюда то и дело подъезжают предержащие власти, генерал-губернатор, градоначальник и другие, а в самом здании идут допросы. Желваков отказался отвечать, пока ему не скажут, убит ли Стрельников. «Убит»,—отвечали ему—«Ну, теперь делайте со мной, что хотите». Допросы ни к чему не приводили. Узнали, где была куплена лошадь, узнали и квартиры арестованных, так как при них были паспорта, но ни их личности, ни настоящие фамилии установлены не были. Поздно ночью под сильным конвоем их перевезли в тюрьму и поместили в подвальном этаже. Допросы шли беспрерывно, и до самой казни арестованным не дали ни одного часа отдыха. По городу шли слухи, что их пытали, но фактически доказательств этому нет.

В ночь с 20-го на 21-е февраля собрался суд, невиданный даже и в царской России. Вообразите себе глухую ночь, неизвестное публике место суда и в зассдании—никого, кроме Гурко, им самим избранных судей да подсудимых.

Даже высшие чины военного и судебного ведомств не были допущены. И все-таки стало известно в общих чертах, что происходило на суде, что говорили подсудимые. Халтурин заявил, что приехал в Одессу с целью заняться организацией рабочих, но в деятельности Стрельникова встретил сильное к тому препятствие. Он сообщил об этом «Исполнительному Комитету» и получил от него поручение организовать убийство Стрельникова, что и было им выполнено [1]).

Желваков, говорят, сказал: «Меня повесят, но найдутся другие. Всех вам не перевешать! От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!».

---

1) Мы не знаем, достоверно ли так показывал Халтурин; но по воспоминаниям В. Фигнер видно, что Халтурин прибыл в Одессу со специальной целью привести в исполнение постановление Исполнительного Комитета об убийстве Стрельникова.

Из Гатчины было получено царское предписание— немедленно повесить убийц Стрельникова, и в виду такой поспешности Гурко решил, не беспокоя Фролова [1]), выбрать палача из содержавшихся в одесской тюрьме приговоренных к каторге уголовных арестантов.

Весть о том, что Стрельников убит, а арестованные террористы привезены в тюрьму, быстро разнеслась между уголовными арестантами. Факт убийства был встречен всеобщим одобрением, а арестованные террористы возбуждали живейшее сочувствие, особенно Желваков своим удальством и молодостью. Поэтому предложение повесить за известное вознаграждение убийц, Стрельникова было встречено уголовными арестантами решительным отказом. Некоторые выражали его в самой резкой форме: «Да не сойти мне с этого места, да подохнуть мне совсем, если я их хоть на эстолько трону!», или «Скорее всех генералов передушу, чем их хоть мизинцем трону!», слышалось в ответ на позорное предложение.

Наконец, напали на одного, который, видимо, начал колебаться, прельщенный обещаниями льгот и подарков. „Я только вешать не умею“, — отговаривался еще он. „Ну, это пустяки, — возражали ему: — вешать доктор (тюремный врач Розен) подучит“ [2]).

Ни о суде, ни о приговоре, ни о самой казни никто не должен был знать раньше, чем все будет кончено, но тем не менее, при повешении требовалось присутствие представителей „общества“. Эта дилемма была разрешена следующим образом: двум—трем благонадежным гласным думы и известному редактору „Новороссийского Телеграфа“, черносотенцу Озмидову, был послан лаконический приказ: явиться в 5 часов утра к город-

[1]) Известный в те времена палач, казнивший большинство террористов, в том числе цареубийц 1-го марта 1881 года.

[2]) Этот военный врач Резон был еще врачем в одесской тюрьме, когда я там сидел в 1894 году. При мне он был уже в генеральском чине. О нем упорно говорили, что он помогал вешать Халтурина и Желвакова.

скому голове. Несчастные представители „общественной гласности" провели очень тревожную ночь и на рассвете явились к Маразли (городскому голове), который и повез их прямо в тюрьму.

В 6 часов вывели Халтурина и Желвакова. Последний быстро взошел по ступенькам на эшафот и пересчитал их. — „Четырнадцать, о, как высоко!" — сказал он.—Сам надел петлю на шею и повис. Чахоточного, больного Халтурина должны были поддерживать. Слишком много выпивший для бодрости палач долго возился, надевая на него петлю, и несколько раз поправлял ее. Благодаря его неумелости, Халтурин страшно долго мучился, прежде чем был окончательно задушен. Полицеймейстер, присутствовавший при казни, отвернулся, чтобы не видеть его судорог, а офицеру, распоряжавшемуся процедурой, сделалось дурно [1]).

Так погиб Степан Халтурин, один из первых провозвестников и организаторов русской рабочей партии и борец за освобождение пролетариата. То, о чем мечтал этот выдающийся рабочий, осуществилось в наши дни. Рабочий класс России сбросил с себя цепи рабства, уничтожил старый политический и экономический строй и основал царство социализма. И одним из первых шагов освободившегося русского пролетариата было открытие памятников своим великим предшественникам,— бойцам за социальную революцию. Среди них рабочий Халтурин занимает одно из самых почетных мест.

Москва, куда он попал впервые юношей, первая воздвигла памятник столяру Халтурину. Мы уверены, что скоро такие же памятники будут поставлены Степану и в красном Питере, где он положил основание „Северно-Русскому Рабочему Союзу" и в освобожденной от буржуазии Одессе, где он сложил за народ свою голову, и на его родине в Вятской губернии, давшей России такого великого сына.

[1]) „На родине", № 3-й стр. 52—59. Женева. 1883.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ—МОСКВА.

История. Революционное движение.

Блос В.—Германская революция. История движения 1848—49 г.г. в Германии 1922 г. Стр. 528.

Бухбиндер Н. А.—Материалы для истории еврейского рабочего движения, вып. II с предисл. В. Невского 1822 г. стр. 139.

Буонорроти Ф.—Гракх Бабеф и заговор Равных. Под ред. и с предисл. В. В. Святловского. 1923 г. Стр. 207.

Вольтерс Ф.—Исследование по аграрной истории Франции в XVIII в. (1700—1790 г.г.) Перев. Н. М. Попова, ч. I. 1923 года Стр. 340.

Деготь В.—В свободном подполье (Воспоминания о подпольной работе заграницей в 1919—1920 г.г.) 1923 г. Стр. 87.

Жорес Ж.—История великой французской революции, т. I. Учредительное Собрание 1789—91 г.г. 1922 г. Стр- 560.

Его-же.—История великой французской революции т. II. Конвент (1), вып. I. Республика (1792). С предисл. Н. М. Лукина 1923 г. Стр. 332.

Золиксон-Бобровская Ц.—Записки рядового подпольщика, ч. II. (1905—1914). 1923 г. Стр. 88.

Крестьянское движение 1902 г. Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. III. 1923 г. Стр. 128.

Максаков В. и Нелидов М.—Хроника революция 1917 г. вып. I, 1923 г. Стр. 144.

Петрушевский В. И.—Очерки средневекового общества и государства. Изд. 5-е, вновь перераб. 1922 г. Стр. 298.

Пичета В. И.—Введение в русскую историю (источники и историография) 1922 г. Стр. 205.

Полонский В.—Бакунин, т. I. Бакунин—романтик. Жизнь, деятельность, мышление. С портр. 1923 г. Стр. 418.

Покровский М. Н.—Русская история в самом сжатом очерке. От древнейших времен до конца XIX стол. Изд. 2-е дополн. 1922 г. Стр. 251.

Его-же.—Русская история. От древнейших времен, до Грозного, т. I. 1922 г. Стр. 243.

Его-же.— » » т. II Смута. Борьба за Украину. Петровская реформа. 1922 г. Стр. 203.

Покровский М. Н.—Русская история, т. III. Монархия XVIII века Александр I. Декабристы. 1922 г. Стр. 310.

Его-же—Русская история, т. IV. Крестьянская реформа. 60-е годы. Конец XIX века. 1922 г. Стр. 310.

Сергеев В. С.—Всемирно-исторические кризисы, ч. V. Европейский кризис на заре XIX стол. 1922 г. Стр. 146.

Сперанский В. Н.—Дамениз, как политический деятель (Пророк всемирной революции). 1922 г. Стр. 108.

Сеньобос Ш.—Политическая история современной Европы, т. I. Эволюция партий и политических форм. Под ред. В. А. Поссе, 1922 г. Стр. 280.

Его-же.—Политическая история современной Европы, т. II. Эволюция партий и политических форм. Под ред. В. А. Поссе. 1923 г. Стр. 371.

Троцкий Л. Д.—1905 г. 1922 г. Стр. 136.

Тахтарев К. М.— Очерки по истории первобытной культуры. 1923 г. Стр. 141.

Черный передел.—Орган социалистов-федералистов 1880—81 г.г. Предисл. В. Невского. Вступит. статья О. В. Аптекмана. 1923 г. 355.

Энгельс Ф.—Крестьянский вопрос во Франции и Германии 1922 г. Стр. 79.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4.

Телефоны: 1-57-57; 47-35.

ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (Невский), 28.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гост. „Дрезден“).
2) Моховая, 17 (под гост. „Националь“).
3) Больш. Никитская, 13 (здание консерватории).
4) Никольская ул., 3.
5) Серпуховская площ., 1/43.
6) Кузнецкий мост. 12.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25-го октября (Невский), 28.
2) Проспект Володарского (Литейный), 21.
3) Проспект 25-го октября, 13.
4) Проспект 25-го октября, 68.

80/260